

§ 10 ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Багдасарян В.Э.

АКСИОЛОГИЯ РОССИИ В ПЕРСПЕКТИВЕ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация: *Статья посвящена исследованию ценностных оснований российского пути развития. Прослеживается связь между ценностным целеполаганием и формированием государственной политики. Доказывается, принципиальное отличие аксиологических типов России и Запада. Представлен материал, свидетельствующий о деградиционных тенденциях в развитии западного сообщества. Выдвигается авторское видение в отношении ценностных компонентов, должных быть положенных в основание нового идеологического проекта России. Анализ содержания основных российских идеологических концептов показывает сохранение единой смысловой парадигмы. Менялся в соответствии с духом времени только политический язык. В этом отношении можно говорить о едином российском ценностном проекте и его множественных исторически конкретных воплощениях. Идея единения человечества на основе ценностной платформы «добра» имеет для него ключевое значение. В основе исследования лежит аксиологический подход, предполагающий, что последовательность реализации государственного управления, как известно, должно по классической схеме выстраиваться в соответствии с алгоритмизированной цепочкой – определение ценностей – выдвижение – целей – идентификация проблем и их решение – достижение результата. До принятия конкретных управленческих решений должен быть первоначально определен желаемый ценностно-целевой образ страны. Также в статье применена методика количественной оцифровки значимости различных ценностей в преломлении к различию социокультурных сред. Российская государственность исторически выстраивалась на цивилизационноидентичном ценностном фундаменте. Этот фундамент был существенно отличен от того, на котором основывалось государственное бытие стран Запада. Сохранение собственных ценностных оснований являлось фактором успешности России, тогда как отступление от него оборачивалось периодами кризисов и катастроф. Не единожды предпринимаемые попытки перестроить Россию по западным лекалам всегда оборачивались системными провалами. Очередная попытка такого рода предпринята в ходе постсоветского либерального реформирования. Построить новую систему жизнеобеспечения так и не удалось.*

Review: *The article is devoted to the studies of fundamental values of the Russian way of development. The author follows the link between value-oriented target-setting and formation of the state policy. It is proven that axiological types of Russia and the West are principally different. The author offers materials showing degradation tendencies in the development of the Western society. The author proposes a vision of value components, which may serve as a foundation for a new ideological project of Russia. Analysis of the contents of main Russian ideological concepts shows preservation of the single meaning paradigm. The only thing that has changed with time was political language. In this respect one could speak of a uniform value project of Russia and its multiple historically specific manifestations. The idea of unity of the humanity based upon the value platform of the “good” is key for it. The study is based upon the axiological approach, which presupposes that according to the classic scheme the sequence of implementation of state administration should be formed based upon the algorithm chain: establishing the values – setting goals – identification and solution of problems – achievement of a result. Before certain administrative decisions are made there should be a desired value-oriented image of the state. The article also applies the approach of quantity digitization of importance of various values in their deflection in various social and cultural environments. Historically the Russian statehood was based upon the civilization identity fundament. This fundament was significantly different from that of the state being of the Western states. Preservation of its own value fundamentals*

was a success factor for Russia, while departure from it had caused periods of crises and catastrophes. Several attempts to reform Russia according to the Western standards always ended up in systemic failures. Another such try is taken in the process of post-Soviet liberal reforms. However, it turned out to be impossible to form a new system of life sustenance.

Ключевые слова: Аксиология, ценности, государственная политика, цивилизации, цивилизационный резерв, идеологический проект, Россия, Запад, дискурс, количественная оценка.

Keywords: Axiology, values, state policy, civilizations, civilization reserve, ideological project, Russia, West, discourse, quantitative evaluation.

Ценности и стратегия государственного развития

Последовательность реализации государственного управления, как известно, должно по классической схеме выстраиваться в соответствии с алгоритмизированной цепочкой – определение ценностей – выдвижение – целей – идентификация проблем и их решение – достижение результата. До принятия конкретных управленческих решений должен быть первоначально определен желаемый ценностно-целевой образ страны. Такой подход традиционно характеризуется как аксиологический. (Рис. 1).¹

Рис. 1. Аксиология в системе государственной политики

¹ Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С. Высшие ценности российского государства. М.: Научный эксперт, 2012; Шилов В.Н. Политическая аксиология. Белгород: Белгородский государственный университет, 2005; Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: НГУ, 1998; Чазов А.В. Ценности как фактор формирования политических предпочтений. СПб., 2001; Якунин В.И., Багдасарян В.Э., Сулакишин С.С. Цивилизационно-ценностные основания экономических решений. Монография. М.: Научный эксперт, 2008.

Но откуда берутся сами ценности? В определении их генезиса сталкивается два противоположных подхода. Согласно первому подходу, ценности производны от «естественной», универсальной для всех стран природы человека. В этом случае аксиологический облик России ни чем принципиально не отличается от аксиологического облика иных стран мира. И тогда целесообразна экстраполяция опыта успешных государств.

Второй подход утверждает, что ценности определяются цивилизационной принадлежностью страны. Каждое из государств, согласно с этим взглядом, развивается в рамках истори-

чески и природно определенного цивилизационного ареала. Цивилизационная принадлежность определяет специфику менталитета, форм жизнеустройства, оптимума исторической успешности. Одни государства выстраивают свою политику в соответствии с цивилизационной принадлежностью, другие ее игнорируют, третьи как Россия периода 1990-х годов, действуют по отношению к ней в прямой противоположности. Цивилизационная принадлежность государств проявляется двояко – как ограничитель и как ресурс развития. (Рис. 2)

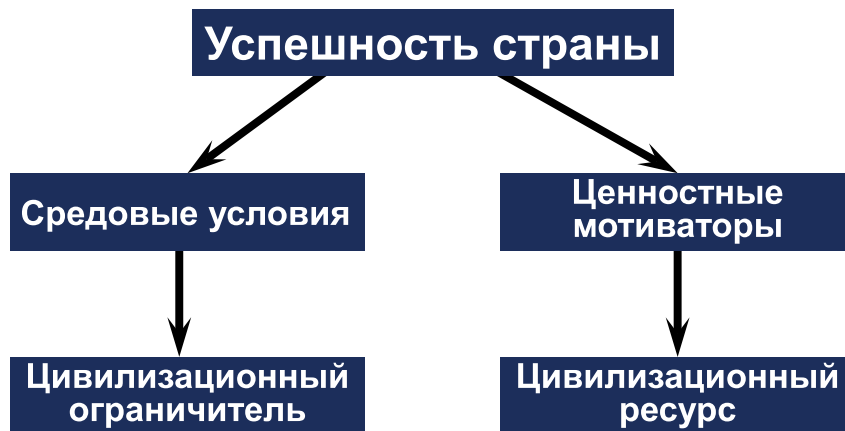

Рис. 2. Цивилизационный резерв решений государственного управления

С одной стороны, существует некий строго очерченный коридор (ограничитель) выбора государственно-управленческих решений. Не всякий успешно функционирующий в рамках одной цивилизации институт будет столь же успешен при перенесении его в иную цивилизационную среду. Провалами заканчивались всякий раз попытки «демократизации» России в соответствии с западной политической практикой. Исторически каждая из значимых реформационных попыток такого рода оборачивалась системными общественными потрясениями уровня «всероссийских бунтов» и «гражданских войн».

Другой стороной связи государственной политики с тематикой цивилизаций является возможность управленческого использования цивилизационных накоплений в качестве особого ресурса развития. Признание данного ресурсного компонента ставит на повестку вопрос о соответствующем ресурсосбережении и имплементации в государственно-управленческую практику.

Речь идет о двух типах общественного развития. Первый вариант реализуется в разрыве с цивилизационно-ценностными традициями. Он представляет собой радикальный вариант общественного обновления. Вторая модель заключается в опоре на традицию при решении стоящих перед страной задач. Цивилизационная идентичность в данном случае не только не является препятствием, но служит особым ресурсом развития.

Мировой аксиологический дискурс сегодня

Только определившись, что есть добро и зло, можно было далее моделировать должную экономическую, социальную, или правовую систему. Однако в дальнейшем эти базовые для выстраивания государственной политики категории – добро и зло оказались вытеснены и из науки и из системы государственного управления. Академически признанным с определенного времени оказался «принцип Юма», известный еще как «юмовская гильотина».² Согласно ему, ценности и моральные нормы должны были быть отделены от науки. Следующим этапом они отделялись и от государственного управления. Все это получило наименование деидеологизация.

Но сегодня становится все более очевидным, что без опоры на ценности мир оказывается в состоянии турбулентности. Глубинные истоки мирового экономического кризиса обнаруживаются именно в утрате ценностного фундамента. Разразившийся в 2008 году (а по некоторым индикаторам еще в 2007 г.) он первоначально был оценен в качестве кризиса финансового. В скором времени оценки ужесточились – это кризис экономический. Но далее уже стало очевидным, что кризис имеет системный характер. Дала сбой сама исторически сложившаяся

² Юм Д. Трактат о человеческой природе: В 3 кн. М., 1995. Кн. 2-3. С. 229; Юм Д. Естественная история религии. СПб., 1909; Юм Д. Диалоги о естественной религии. СПб., 1909; Канке В.А. Философия экономической науки. М., 2007. С. 49.

Политика и общество 7 (115) • 2014

система мироустройства. Соответственно, для анализа оснований произошедшего сбоя необходимо выявить противоречия, или изъяны на уровне фундамента мировой системы. Эта логика приводит к следующей фазе осмысления кризиса в качестве кризиса аксиологического. (Рис. 3)

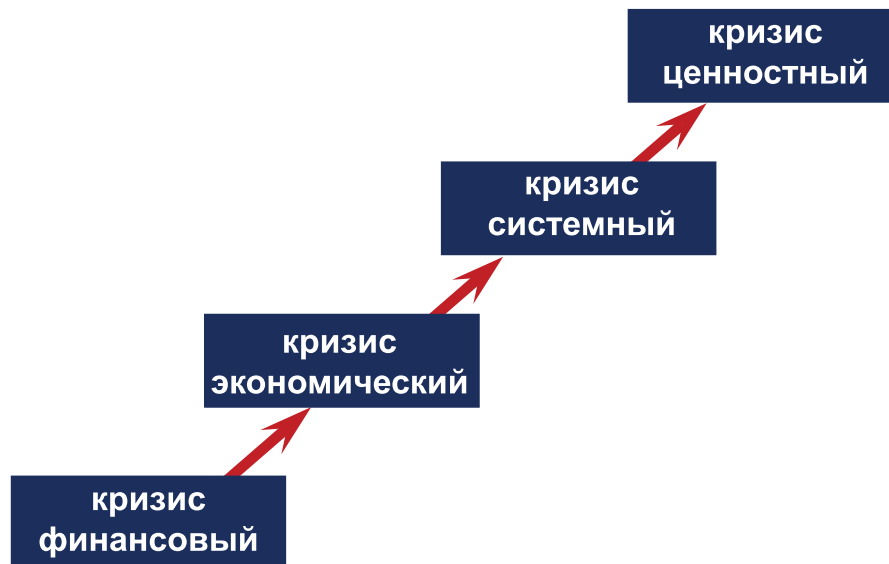

Рис. 3. Направление осмысления кризиса в мировом дискурсе

Во многих государствах и регионах мира это достаточно хорошо понимают. Мировой мейнстрим состоит сегодня в поиске цивилизационно идентичных ценностных оснований, определяющих позиционирование государств и цивилизаций в новой системе координат.

Китай, воздерживавшийся некоторое время, от прямого идеологического оппонирования США, все определеннее позиционируется не только как центр экономической, но и ценностной альтернативы («новой биполярности»). Отражением новых тенденций явилось распространение среди членов ЦК КПК циркуляра, в котором говорилось о подрывном значении для Китая распространения западных ценностей. Торжества по случаю 120-летия Мао Цзедуну явились в этом отношении своеобразным символическим Рубиконом.

Продолжаются поиски в направлении обретения восстановления потенциалов японской национальной самобытности в Японии. Новое руководство Либерально-демократической партии Японии организует кампанию широкой исторической ревизии. Генерируется концепт новой японоцентричной

(в противоположность китайскоцентричной) Восточной Азии.

В Индии обретает второе дыхание идеология «хиндутвы». Формулируется вызов реконфигурации жизнеустройства стран Индийского субконтинента на основе индуистских ценностных традиций.

Новым идеологическим аттрактором в Латинской Америке выступает боливарианский социализм. Смерть в минувшем году его главного вдохновителя Уго Чавеса не изменила самого вектора ценностных поисков. Реальностью является существование Боливарианского альянса, включающего уже 8 государств (первоначальное название субрегионального объединения – «Боливарианская альтернатива для Америки»).

Высокой энергетикой в стремлении преобразований на ценностной платформе ислама оказался заряжен мусульманский мир. «Арабская весна» продемонстрировала высокий градус общественной рефлексии на исламском Востоке. Антиамериканские консолидированные выступления последователей ислама в связи с показом фильма «Невинность мусульман» в 2012 году наглядно показали, что ценностного сближения с Западом в этом регионе не происходит.

Идеологическая картография современного мира свидетельствует, что:

во-первых, активным поиском ценностных оснований общественного бытия охвачены в настоящее время все цивилизации;

во-вторых, это новое ценностное позиционирование оппонирует претендовавшей на «общечеловечность» западной системе ценностей;

в-третьих, само направление поиска устремлено к историческим идентичным накоплениям самих цивилизаций.

А что же Россия? После распада СССР Российская Федерация двигалась определенное время, в противоположность мировому ценностному дискурсу, в направлении отказа от собственного аксиологического фундамента. Полученные результаты движения в этом направлении в экономике, социальной сфере, культуре, демографии показали стратегическую ошибочность данного курса. И сегодня Россия, равно как и иные незападные государства ставит как на уровне общества, так и высшей государственной власти вопрос о цивилизационно идентичных ценностях. Такая постановка вопроса, повторюсь, не является чем-то исключительным, а, напротив, соотносится с мировым трендом. (Рис. 4).

Рис. 4. Современная идеологическая карта мира

Знаковые заявления были сделаны в этом отношении в 2012-2014 годах Президентом России. В Послании Федеральному Собранию впервые за многие десятилетия на уровне первого лица государства прозвучала идея о недопустимости нивелировки добра и зла, а также о существовании «аморального интернационала» и о целевой онтологической установке государства ведения борьбы с «хаотической тьмой». ³ Категории добра и зла, о которых мы говорили выше, как о фундаменте в

³ Послание Президента Федеральному Собранию // <http://kremlin.ru/transcripts/17118>

выстраивании семантики государства и общества, были реабилитированы в управленческом смысле.

О вызовах ценностной эрозии и переосмыслении западного выбора в России

Этот российский дискурс может быть воспринят на Западе в качестве некоей продуцируемой Россией новой угрозы, возвращением к временам идеологической борьбы периода «холодной войны». И такое восприятие определенным образом продвигается частью западных СМИ и политической элиты. Создается соответствующий информационный тон вокруг Зимней Олимпиады в Сочи. Обращает внимание, что если в России говорится о различии ценностей России и Запада, то в указанной части западной элиты вопрос ставится иначе – о столкновении ценностных подходов.

Европа и сама находится сегодня в состоянии ценностного поиска. Это состояние в аксиологическом плане можно определить как транзитное между ценностями старой христианской Европой и ценностями Европы в парадигме постмодерна. В широкий оборот в последние годы вошло понятие «европейские ценности». ⁴ Само по себе введение этой дефиниции предполагает, что наряду с европейскими ценностями, есть и иные ценности неевропейские. Действительно, далеко ни в каждой из цивилизаций будут готовы принять такие часто относимые к европейским ценностям принципы как мультикультурализм, основанной на частной собственности рыночную экономику, светскость, приоритет суверенитета индивидуума над суверенитетом государства.

Особые вопросы за пределами Запада вызывают новые, диссонирующие со старо-европейской традицией, подходы в отношении семейно-брачных отношений.

Запад пошел по пути легитимизации однополых браков. На настоящее время четырнадцать государств мира регистрирует такой тип отношений в качестве отношений брачно-семейных. Это аксиологический выбор, сделанный в рамках одной из цивилизаций. Но

⁴ Рубинский Ю. Европейские ценности // Вестник Европы. 2009. № 26-27; Крук Ю. Конституция Европейского Союза: история подготовки и причины провала ее ратификации // Международное право и международные отношения. 2009. № 2.

Политика и общество 7 (115) • 2014

большинство стран мира, большинство человечества такой выбор не разделяет. В противовес 14 странам, регистрирующих однополые браки, существует 74 государства – члена ООН, устанавливающих законодательный запрет на сами гомосексуальные отношения. И это тоже ценностный цивилизационный выбор, который должен признаваться и уважаться другими. (Рис. 5)

Свой собственный подход, соотносящийся с мнением большинства населения, имеет и Россия. Права меньшинств в России, безусловно, защищаются. По определенным параметрам эта защита практически была более действенна, чем в Европе. Такую защиту Россия обеспечивала исторически, в частности, в отношении этнических меньшинств.

Рис. 5. Отношение к легальности гомосексуализма: карта мира

Социологические опросы четко фиксируют различия в отношении к сексуальным меньшинствам по разным цивилизациям. Позиция населения Европы и Америки диссонирует с позицией других мировых регионов. (Рис. 6)⁵

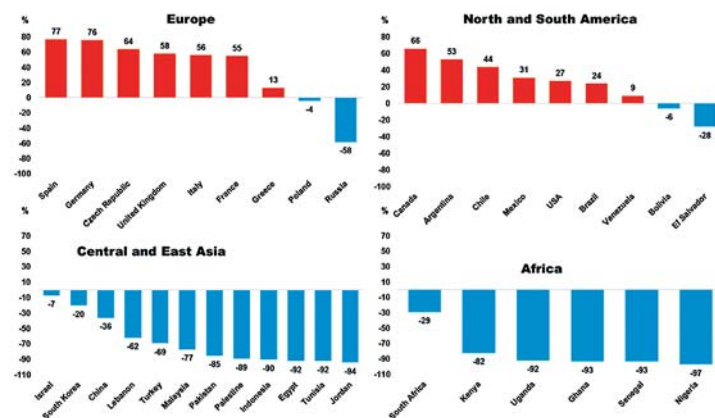

Рис. 6. Отношение к гомосексуализму в группах стран мира. Разность положительных и отрицательных ответов

Фактически все многочисленные народы в составе Российской империи, а потом и СССР, сумели сохранить свое идентичное существование. Реализуемые же на Западе имперские проекты выстраивались на парадигме моноэтничности (мононациональности) и подобной бережностью в отношении этнического меньшинства не отличались.

Другое дело, что Россия по своим ценностным установкам всегда была холистична. В иерархии ценностей она всегда отдавала приоритет целому над партикулярным, коллективизму над индивидуализмом. Защита прав индивидуума в этом понимании не должно превращаться в элитаризм, преференции меньшинства, а, соответственно, в установлении культурной гегемонии над большинством. Не это ли сегодня наблюдается на Западе? И не оказывается ли оборотной стороной гипертрофированности в реализации установок защиты прав меньшинств реальный кризис демократии (как власти большинства)? Сегодня уже не Запад, а другие цивилизационные сообщества находятся в авангарде развития демократических ценностей в мире.

⁵ The Global Divide on Homosexuality // <http://www.pewglobal.org/2013/06/04/the-global-divide-on-homosexuality/>

Идеология и политика

Традиционный Запад обеспечил исторически глобальную трансляцию христианских ценностей. Модернистский Запад транслировал передовые технологии и ценности демократии. Оба эти образа были привлекательны для внешнего мира. Но новый постмодернистский Запад стремительно лишается прежнего ореола привлекательности. В России это разочарование Западом после периода стремительного западнического дрейфа проявляется с особой наглядностью.

Внутри российской элиты всегда существовала значительная западническая группировка. Ее позиция состояла в том, что ценности Запада являются универсальными и потому должны быть приняты в России. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. западники фактически убедили в этом если не большинство, то значимую часть общества. Демонтаж СССР, как отказ от собственной аксиологической модели, был напрямую связан с произошедшей ценностной инверсией. Движение в западническом направлении соотносилось в России с перманентным кризисным состоянием. Это объяснялось нахождением страны в фазе транзита. Но грянувший кризис на Западе поставил далее вопрос о правильности самого избранного ценностно-целевого ориентира.

На то, что раньше в жизни западного общества не обращалось внимания, стало очевидным. Позиция современного постмодернистского Запада оказалась проигрышна по отношению к остальному незападному миру. Европа имеет сегодня наихудшие в мире показатели по уровню детности. Не обеспечивается простое воспроизводство населения. Тренд легитимизации однополых браков и низкая детность в Европе оказываются в корреляционной зависимости. И, напротив, в тех незападных странах, которые жестко отстаивают традиционную брачность показатели рождаемости устойчиво высокие. (Рис. 7)⁶

Рис. 7. Суммарный коэффициент рождаемости в странах Европы, рождений на одну женщину (данные по Всемирной книге фактов ЦРУ)

⁶ <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2054rank.html>

Достигнутый уровень материальной комфортности Запада обнаруживают свою иллюзорность при анализе степени удовлетворенности западного человека жизнью. Обнаруживается отсутствие главного – счастья. Согласно различным расчетам международного индекса счастья, позиции большинства западных стран – крайне неблагоприятные. В группе аутсайдеров находятся также Россия и другие постсоветские государства – плата за отступление от цивилизационно идентичной системы ценностей. (Рис. 8)⁷

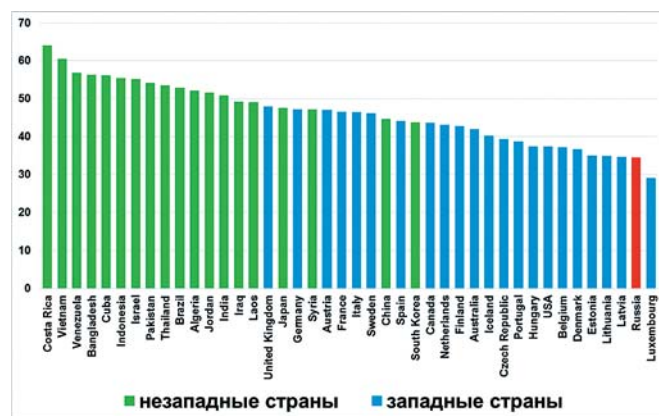

Рис. 8. Международный индекс счастья

Крайне неблагоприятная ситуация на Западе по показателям суицида на условные группы населения. Хуже положение только у тех стран, которые вопреки собственной цивилизационной традиции пошли по западному пути – России и группы восточно-европейских государств – бывших республик СССР, Японии и Южной Кореи. Признать в качестве образца для подражания те общества, в которых больше чем где-либо люди оканчивают жизнь самоубийством можно лишь при предпринимаемой в отношении них целевой дезинформации. (Рис. 9).⁸

⁷ <http://www.happyplanetindex.org/>; <http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info>

⁸ Country reports and charts available. WHO website – Mental health. World Health Organization (2009)

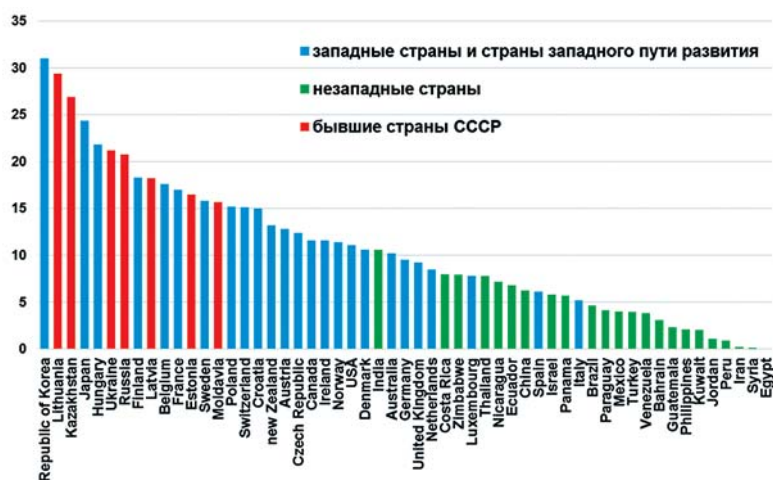

Рис. 9. Страны мира по количеству самоубийств (на 100000 чел.)

Еще одним из индикативных проявлений современного ценностного кризиса является содержание массовой культурной продукции. Главным транслятором кинопродукции в мире выступают, как известно, США. В России прокат американских фильмов превышает прокат фильмов россий-

дает анализ контента экспортируемых культурных образцов. Статистика показывает определенный тренд увеличения сцен насилия в американском кино. (Рис. 10) ⁹ Диссонанс с христианской ценностной традицией и в целом с традиционными системами ценностей налицо.

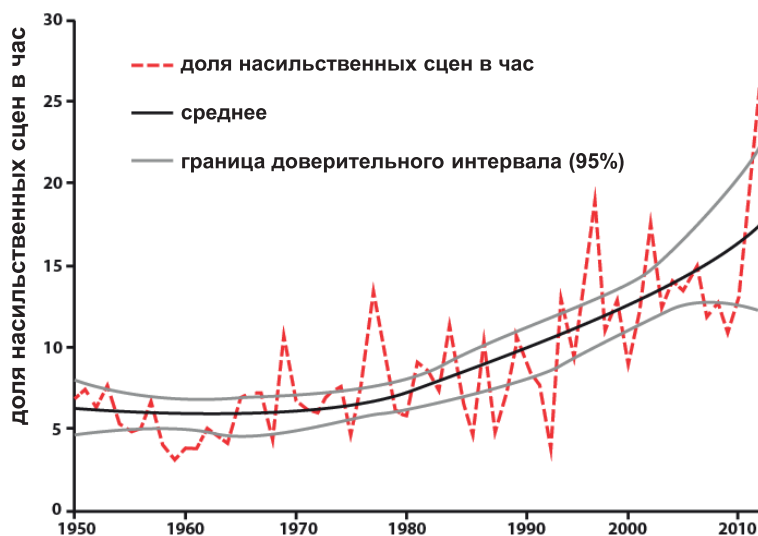

Рис. 10. Доля насильственных сцен в 30 самых кассовых фильмах США

ского производства. С вызовом американизации через кинематограф национальных культурных стандартов сталкиваются и страны Европы. Уместно использовать для описания этих процессов понятие «голливудизация массового сознания». Насколько серьезен этот вызов? Ответ на этот вопрос

⁹ Bushman B.J., Jamieson P.E., Weitz I., Romer D. Gun Violence Trends in Movies // Pediatrics. 2013. № 12. P. 1014-1018; <http://ria.ru/culture/20131111/975912642.html>

Внутри самого западного сообщества дискурс о целевых ориентирах развития цивилизации далеко не завершен. Существует обостряющееся внутреннее сопротивление движения Запада по пути постмодерна. С контекстом этого сопротивления соотносится, в частности, принятая с 1 января 2012 года новая Конституция Венгрии.¹⁰ В ней наличествуют следующие положения:

венгерский народ объединяют «Бог и христианство»;

«национальное вероисповедание»;

«право на жизнь с момента зачатия»;

браки есть «союз мужчины и женщины»;

«Венгрия, руководствуясь идеей единства венгерской нации, несет ответственность за судьбу живущих за ее пределами венгров».

Внешнее противодействие принятию Венгрией – членом ЕС и НАТО национальноориентированной Конституции было жесточайшим. Однако у Будапешта хватило мужества и сил отстоять свою суверенность. В ответ на критику со стороны Евросоюза премьер-министр Виктор Орбан заявил: «Мы не допустим, чтобы Брюссель диктовал нам свои условия! Никогда в своей истории мы не позволяли Вене или Москве указывать нам, так и теперь не позволим это Брюсселю! Пусть в Венгрии во главе угла стоят венгерские интересы!».¹¹

И если уж внутри самой Европы ставится вопрос о правильности сделанного Западом ценностного выбора, что же говорить о России?

Ценности России и Запада в методике количественного анализа

Существуют различные научные школы, специализирующиеся на количественной оцифровке значимости различных ценностей в преломлении к различию социокультурных сред. Все они в отношении России сходятся в том, что ее ценностный облик разительно отличается от ценностного облика Запада. Обнаруживается аксиологическая близость друг к другу стран принадлежащих исторически к одной религиозной традиции. Несмотря на то, что многие сообщества сегодня секулярны и значительная часть населения нерелигиозна, ре-

лигия оказывается важнейшим индикатором цивилизационных различий. Подход Макса Вебера, апробированный им в свое время в «Протестантской этике и духе капитализма» по сей день научно актуален.

Четко фиксируется при проводимых аксиологических замерах и кластер «православные страны». Само по себе наличие этого кластера является свидетельством наличия соответствующей цивилизационной общности. Обнаруживается причем дихотомичность в системе ценностных шкал «православного» кластера кластерам «протестантские страны» и «англо-саксонские страны». И эта фиксация объясняет, почему эксперимент переноса в Россию американской (шире – англосаксонской) ценностной системы мог закончиться только провалом.¹²

Методика количественной оцифровки ценностей школы Г. Хофстеда сложилась еще в 1970-е годы.¹³ Революционное значение имел полученный на основании ее применения вывод о том, что экономическая и технологическая развитость может достигаться на различных ценностных платформах, варьирующихся по различным типам «деловых культур». Индикаторы в системе Г. Хофстеда группируются по пяти основным индикаторам: индивидуалистичность, дистанция от власти, долгосрочная ориентация, определенность будущего, маскулинность. При сравнении с другими важнейшими геополитическими акторами современного мира обнаруживается определенно особый аксиологический тип России. (Рис. 11, 12)¹⁴

¹² Рязанов В. Экономическая культура и национальная идентификация // Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Вестник. М., 2006. №1. С.373-376; Багдасарян В.Э. Религиозное измерение ценностных портретов цивилизаций // Фундаментальные и актуальные проблемы цивилизационного генезиса. Труды Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Научный журнал. №18. М., Научный эксперт, 2010

¹³ Hofstede G. Culture's Consequences. International Differences in Work Related Values. Beverly Hills, 1980; Hofstede G. Do American Theories Apply Abroad? A Reply to Goodstein and Hunt // Organizational Dynamics. 1981. Vol. 10. № 1; Hofstede, G. Organizing for cultural diversity // European Management Journal. Vol. 7. №4.

¹⁴ Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. P. 500, 502

¹⁰ Конституция Венгрии // <http://constitutions.ru/archives/6509>

¹¹ http://inosmi.ru/op_ed/20110415/168454944.htm

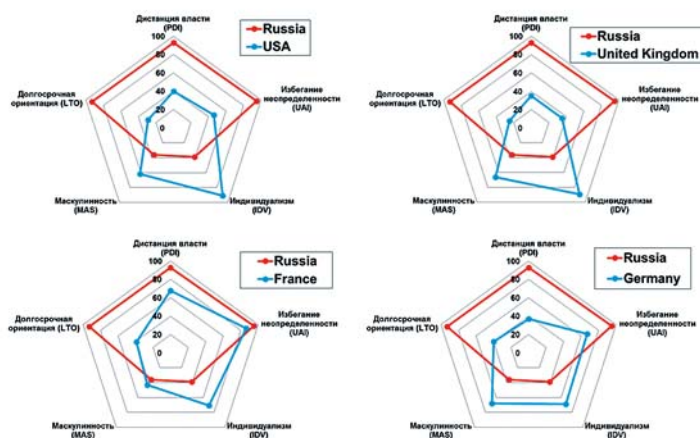

Рис. 11. Социокультурные характеристики стран мира по методике Г. Хофстеда: Россия и страны Запада

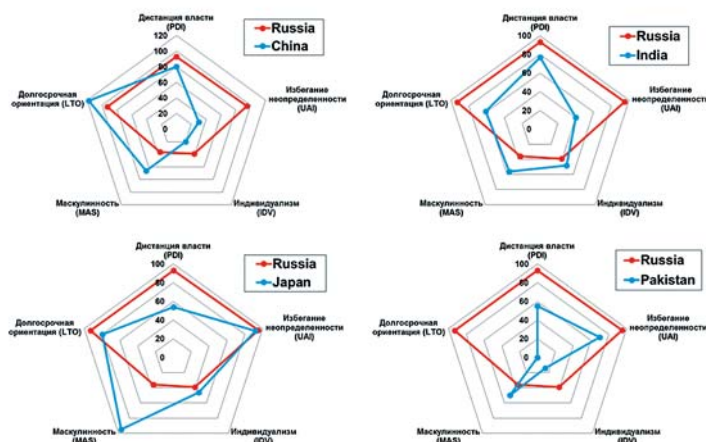

Рис. 12. Социокультурные характеристики стран мира по методике Г. Хофстеда: Россия и страны Востока

Главное ценностное противоречие между Россией и США выявляется в рамках оппозиции индивидуализма и коллективизма. (Рис. 13).¹⁵ И это прямо соотносится с длительной философской

традицией осмысления «русской идеи», в качестве альтернативы западному индивидуализму на основе ценности общинного коллективистского мироустройства.

¹⁵ Sapienza F. Nurturing Translocal Communication: Russian Immigrants on the World Wide Web. Technical Communication. 2001. 48 (4). P. 435-448

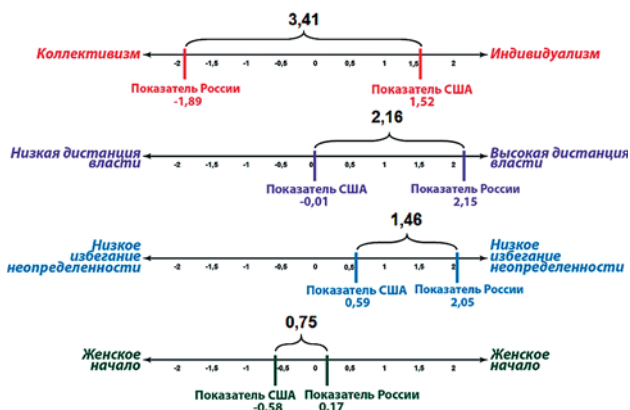

Рис. 13. Россия и США: ценностные оппозиции

Большим авторитетом в современной аксиологии пользуется фигура Шоломона Шварца из Израиля.¹⁶ На основе шварцевской методологии был реализован, в частности, проект «Европейские ценности». В рамках него социологические данные по 22 странам Европы распределялись по 15 выделенных Шварцем ценностным индикаторам. По Эстонии использовались отдельные сведения, как по эстонговорящему, так и русскоговорящему населению. Это позволило, в частности, оценить степень аксиологической близости русских, проживающих в России и за ее пределами.

По всем ценностным индикаторам системы Шварца обнаруживается четкая кластерная оппозиция групп православных и протестантских стран. Показатели России имеют устойчивое тяготение к полюсам аксиологических шкал. Положение русскоговорящих и эстонговорящих жителей Эстонии на соответствующих ценностных шкалах обнаруживает различную кластерную принадлежность. Русскоговорящие принадлежат к православному, эстонговорящие – к протестантскому кластеру. С католическими странами у России расхождения

¹⁶ Schwartz S.H. Basic human values: Their content and structure across countries // A. Tamayo & J. B. Porto (Eds.). Valores e comportamento nas organizações Petrópolis, Brazil: Vozes, 2005a. P. 21–55; Schwartz S.H. Culture matters: National value cultures, sources and consequences // C. – Y. Chiu, Y.Y. Hong, S. Shavitt, & R. S. Wyer, Jr. (Eds.). Understanding culture: Theory, research and application. New York: Psychology Press, 2009. P. 127–150; Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (Ed.). Advances in experimental social psychology. New York: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.

тоже обнаруживаются, но не имеют характера столь жесткой кластерной оппозиции, как с протестантскими. (Рис. 14)¹⁷

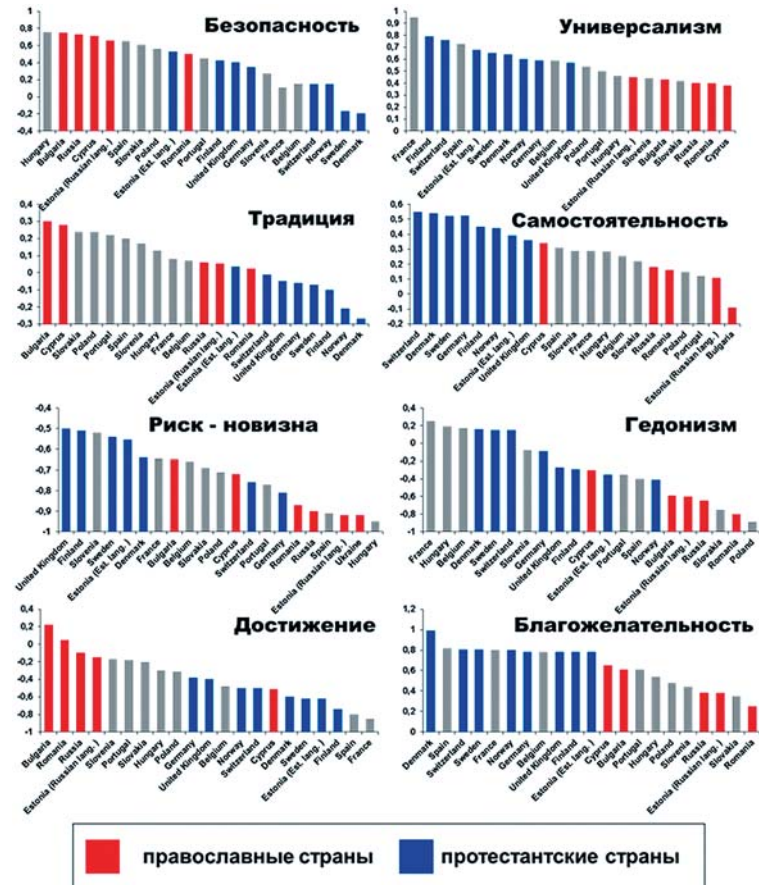

Рис. 14. Результаты «Европейского социального исследования» (European Social Survey–ESS) (по методике Ш. Шварца)

Эта фиксация позволяет внести определенные уточнения в представления об исторических основаниях Россия – Запад. Протестантизм, как известно, возникает в Европе как результат реформационных процессов шестнадцатого столетия. Он вышел из недр католичества и оппонировал католической традиции. Макс Вебер прекрасно показал в свое

¹⁷ Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R. and Eva G. (editors). Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey. London: Sage Publications, 2007.; <http://www.europeansocialsurvey.org/>; Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1.

Политика и общество 7 (115) • 2014

время аксиологические различия между католиком и протестантом.¹⁸ До шестнадцатого века протестантского ценностного кластера еще не существовало, но ценностная оппозиция Русь – Запад насчитывала уже ни одно столетие. Реформация, таким образом, явилась не только расхождением протестантов и католиков, но и отдалением части Европы от православного ценностного полюса. Запад пошел по тому самому направлению развития, правильность которого составляет сегодня основной вопрос мирового общественного дискурса. В этой связи заслуживает внимания рассмотрение темы о Реформации как культурно-генетических истоках постмодерна. Действительно, известный лютеровский принцип «каждый сам себе священник» артикулировался, по сути, как манифестация ценностного релятивизма. Та же семантика содержалась и в другой знаменитой формулировке вождя Реформации: «У меня внутри свой папа – мое Я».

Одним из наиболее масштабных проектов количественного расчета ценностной ориентированности стран мира является проект «World Values Survey». Он реализуется с 1981 года, охватывая около ста государств. Многочисленные опросные данные укладываются по системе, разработанной Рональдом Инглхартом, в рамках двух ценностных дихотомий: традиция – секулярность и коллективизм – индивидуализм.¹⁹ Страны, принадлежащие к различным цивилизационным ареалам, четко кластеризуются, подтверждая правильность применяемой методики расчетов. Россия и весь «православный» кластер стран оказываются в ценностном отношении наиболее отдалены от кластеров «протестантского» и «англо-саксонского» ареалов. На основе полученных количественных результатов можно говорить о мировой альтернативе Россия – Запад (максимальный среди всех цивилизаций показатель ценностной отдаленности). (Рис. 15)²⁰

¹⁸ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1991. С. 61-272.

¹⁹ Inglehart R. F., Welzel C., Alexander A. Measuring effective democracy: A defense // International Political Science Review. 2012. Vol. 33. P. 41-62; Inglehart R. F., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Inglehart R. F. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997.

²⁰ http://www.worldvaluessurvey.org/wvs/articles/folder_published/article_base_54; Понарин Э.Д., Александров Д.А.

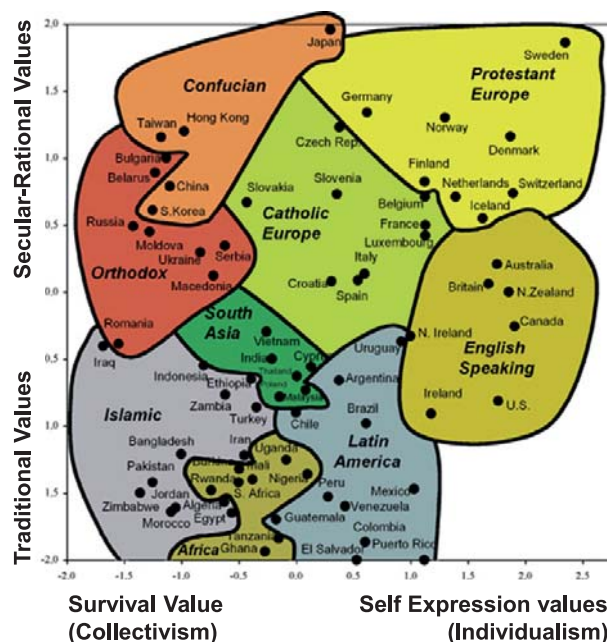

Рис. 15. Цивилизационные кластеры мировых ценностей

Ценностные ориентиры населения любой из стран могут со временем подвергаться изменениям. Соответственно, помимо фиксации аксиологических различий цивилизаций необходимо также выявить направленность ценностной изменчивости. При долгосрочном рассмотрении это позволит говорить о конвергенционности или дивергенционности развития цивилизаций. Долгосрочность – около трети столетия реализации проекта «World Values Survey» предоставляет возможность обнаружения соответствующих ценностных трендов. Установление же наличия трендов дает видение ценностного облика стран и цивилизаций в будущем.

Запад, согласно данным «World Values Survey» развивается в направлении дальнейшей индивидуализации и секуляризации. По этому же пути идет и ряд других цивилизаций. Китай на протяжении трети столетия остается в ценностном отношении фактически в статичном состоянии. Но самое интересное происходит с Россией. Несмотря на западническую идеологическую инверсию 1990-х годов, аксиологически Россия идет по прямо противоположному по

О проекте «Модернизация в свете норм и ценностей современной России: 1981-2011 // <http://net.abimperio.net/node/1403>

отношению к Западу пути. Происходящие в ней на ценностном уровне процессы можно определить понятиями ретрадиционализм и реколлективизм. (Рис. 16).²¹ И в этом отношении Россия опять-таки, как это и было всегда исторически, предлагает миру аксиологическую альтернативу. Другое дело, что идеологически с позиции политических элит российская альтернативность пока еще четко не артикулируется. Но вопрос об артикуляции новой идеологии России, по-видимому, дело времени.

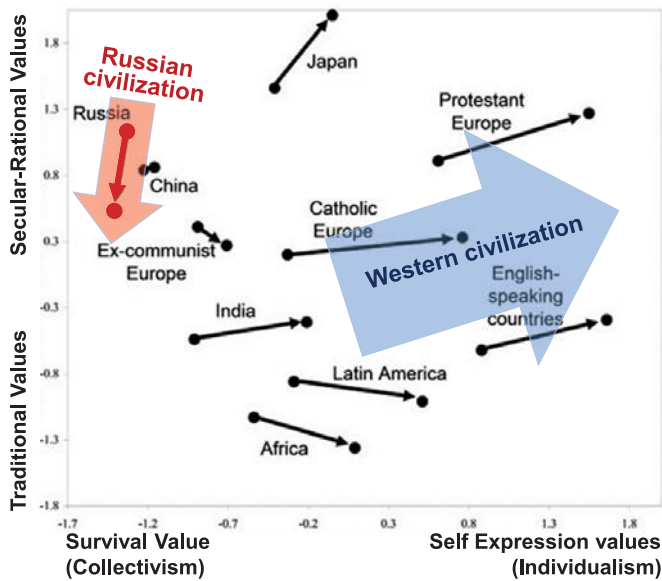

Рис. 16. Динамика развития ценностных установок в странах мира (с 1981 г.)

Путь модерна был путем секуляризации. Модернизация предполагала ломку ценностной системы традиционного общества, уклада крестьянского быта. Запад при этом развивался в парадигме индивидуализации, тогда как Россия предложила модель модернизации с опорой на ценности коллективизма. Из индивидуализации в рамках западного модерна логически вытекал постмодерн. В этом смысле постмодерн является порождением цивилизации Запада. Но из российской коллективистской системы модерна постмодерн не продуцировался. И вот теперь, когда Запад двинулся в постмодернистском направлении,

²¹ http://www.worldvaluessurvey.org/wvs/articles/folder_published/article_base_54

перед Россией возникла развилка между западничеством, а соответственно, постмодерном и культурной несuverенности, и цивилизационной идентичности, и как следствие, восстановлением идентичных традиций. (Рис. 17)

Ретрадиционализация и является, по-видимому, новой ценностной альтернативой будущего. Выбор, стоящий сегодня перед человечеством, это и есть выбор между путем постмодерна и путем восстановления традиционной аксиологической матрицы цивилизаций. В страновом же отношении, судя по реконструируемым ценностным трендам, это вновь исторически воспроизводимая дихотомия Россия – Запад.

Восстановление традиций и преодоление гипертрофированной в период модерна секулярности не означает архаизации и «нового средневековья». Речь идет о соединении потенциалов инновационного развития и аккумулированных прежде всего, в религиях мира ценностях. И это не утопические мечтания, а актуальный запрос мирового развития.

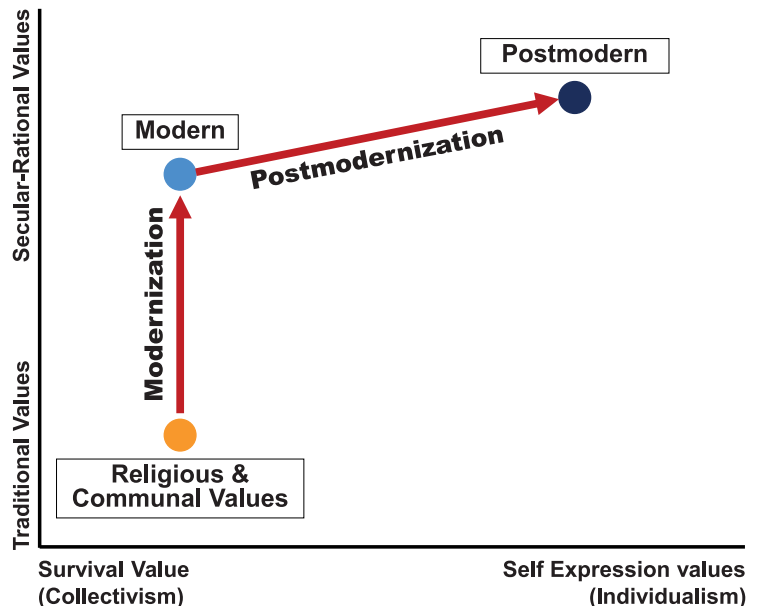

Рис. 17. Модерн и постмодерн в динамике развития ценностных установок. Куда идет Россия?

Во всем мире сегодня идет процесс религиозного возрождения. Вызов постмодерна воинствующий релятивизм и распространение пороков катализиро-

Политика и общество 7 (115) • 2014

вал обращение человечества к спасительному ценностному фундаменту религий. Р. Инглхарт определил этот феномен понятием постматериализм.²² Социологические замеры по возрастным группам позволили ему зафиксировать четкую тенденцию постматериалистической ценностной инверсии.

***Российский опыт формирования
государственной идеологии
и будущая политическая аксиология России***

Государство, претендующее на значимую роль в мире, не может существовать без государственной идеологии. Идеология – это прежде всего собрание основных ценностей, лежащих в основе культуры и практически всех проявлений жизнедеятельности социума. Для государств-цивилизаций, таких как Россия, наличие идеологии, номинирующей высшие ценности соответствующей цивилизации, имеет особое значение. Идеологическая рефлексия прослеживается на всем протяжении российской истории. Наиболее системно государственная идеология России была сформулирована в рамках концептов «Москва – третий Рим» (с модификацией «Новый Иерусалим»), Христианской империи (выраженной уваровской триадой «православие»

– «самодержавие» – «народность») и советского коммунизма (с опорой на ленинское антиимпериалистическое прочтение марксизма). Помимо них в разное время выдвигались и другие идеологические проекты – Нового Константинополя (Ярослав Мудрый), Нового Иерусалима (Никон), Государства всеобщего блага (Петр I), Всемирной христианской империи (Павел I) и др. Однако, все они имели вторичный характер и не обладали тем уровнем доктринальной завершенности, как три вышеперечисленные модели, образующие идеологии.

Анализ содержания основных российских идеологических концептов показывает сохранение единой смысловой парадигмы. Менялся в соответствии с духом времени только политический язык. В этом отношении можно говорить о едином российском ценностном проекте и его множественных исторически конкретных воплощениях. Идея единения человечества на основе ценностной платформы «добра» имеет для него ключевое значение.

С одной стороны, смена идеологием происходила с возникновением новых реалий и вызовов в развитии страны и мира. С другой, их модификация носила зачастую формальный характер, скрывая за модифицированным обликом неизменные принципы и ориентиры российской цивилизации.

Рис. 18. Исторические воплощения государственной идеологии России

²² Inglehart R. F. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Резюме

На всех стадиях истории российской государственности идеология отражала единую российскую цивилизационно-ценностную парадигму. Такого рода трансформации определялись О. Шпенглером понятием «псевдоморфизма», выражающим видимость инверсии при сохраненной парадигмально устойчивой культурной основе. Конечно, в российском опыте идеологического строительства были свои ошибки и перегибы. Такие ошибки с наглядностью обнаруживаются, например, на советском периоде истории. Но эти ошибки исторически исправлялась и восстанавливалась идентичная ценностная парадигма России.

По этой логике идеология будущей России должна включать в себя следующие аксиологические компоненты:

1. спасение мира от угроз биологизации бытия человечества (потребительства, гедонизма);
2. утверждение традиционного понимания добра и зла, противостояние размывающим эти категории вызовам постмодерна;
3. генерация идеи духовноцентричной альтернативы развития человечества;
4. синтез традиции и модернизации в рамках новой модели развития, модернизация с опорой на цивилизационно-ценностные исторические накопления;
5. цивилизационная полицентричность, неприятие системы монополярного мироустройства и любой культурной (по принципу центр – периферия) иерархии;
6. ценность труда, неприятие неограниченной ренты и спекулятивной деятельности;
7. ценность семьи, как первоэлемента социального строительства;
8. новая солидаризационность, идея вспомоществования;
9. симфоническая, сообразно с российским историческим опытом, модель межэтнических отношений;
10. заступничество за слабых, жизнь сообразно со сформулированной в русской истории максимой «Не в силе Бог, а в правде»;
11. идеал «нравственного государства», как развитие концепта «государства социального»;
12. выстраивание системы воспитания в соответствии с традиционными ценностными ориентирами, понимание человека как социальной, духовноориентированной личности.

Российская государственность исторически выстраивалась на цивилизационноидентичном ценностном фундаменте. Этот фундамент был существенно отличен от того, на котором основывалось государственное бытие стран Запада. Сохранение собственных ценностных оснований являлось фактором успешности России, тогда как отступление от него оборачивалось периодами кризисов и катастроф.

Не единожды предпринимаемые попытки перестроить Россию по западным лекалам всегда оборачивались системными провалами. Очередная попытка такого рода предпринята в ходе постсоветского либерального реформирования. Построить новую систему жизнеобеспечения так и не удалось.

«Мы, – объяснял провал рецептуры реформ 1990-х гг. в России один из главных проекторов политики «шоковой терапии» Джеффри Сакс, – положили больного на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия».²³ Признавалась, таким образом, принципиальная ошибка изначального диагноза. У России оказалась «другая анатомия»... Собственная анатомия существует не только у России, но и у любой цивилизации. Соответственно, задача выявления цивилизационноидентичного ценностного фундамента имеет сегодня общемировое значение.

Библиография:

1. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Высшие ценности российского государства. М.: Научный эксперт, 2012;
2. Шилов В.Н. Политическая аксиология. Белгород: Белгородский государственный университет, 2005;
3. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск: НГУ, 1998;

²³ Шенин С. Ю. Джеффри Сакс и американская помощь постсоветской России: случай «другой анатомии» // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 106

Политика и общество 7 (115) • 2014

4. Чазов А.В. Ценности как фактор формирования политических предпочтений. СПб., 2001;
5. Якунин В.И. Багдасарян В.Э., Сулакшин С.С. Цивилизационно-ценностные основания экономических решений. Монография. М.: Научный эксперт, 2008.
6. Юм Д. Трактат о человеческой природе: В 3 кн. М., 1995. Кн. 2-3. С. 229; Юм Д. Естественная история религии. СПб., 1909; Юм Д. Диалоги о естественной религии. СПб., 1909; Канке В.А. Философия экономической науки. М., 2007.
7. Рубинский Ю. Европейские ценности // Вестник Европы. 2009. № 26-27; Крук Ю. Конституция Европейского Союза: история подготовки и причины провала ее ратификации // Международное право и международные отношения. 2009. № 2.
8. Bushman V.J., Jamieson P.E., Weitz I., Romer D. Gun Violence Trends in Movies // Pediatrics. 2013. № 12. P. 1014-1018; <http://ria.ru/culture/20131111/975912642.html>
9. Рязанов В. Экономическая культура и национальная идентификация // Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Вестник. М., 2006. №1.
10. Багдасарян В.Э. Религиозное измерение ценностных портретов цивилизаций // Фундаментальные и актуальные проблемы цивилизационногенеза. Труды Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Научный журнал. №18. М., Научный эксперт, 2010
11. Hofstede G. Culture's Consequences. International Differences in Work Related Values. Beverly Hills, 1980; Hofstede G. Do American Theories Apply Abroad? A Reply to Goodstein and Hunt // Organizational Dynamics. 1981. Vol. 10. № 1; Hofstede, G. Organizing for cultural diversity // European Management Journal. Vol. 7. №4.
12. Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001.
13. Sapienza F.. Nurturing Translocal Communication: Russian Immigrants on the World Wide Web. Technical Communication. 2001. 48 (4).
14. Schwartz S.H. Basic human values: Their content and structure across countries // A. Tamayo & J. B. Porto (Eds.). Valores e comportamen-
to nas organizações Petrópolis, Brazil: Vozes, 2005a.
15. Schwartz S.H. Culture matters: National value cultures, sources and consequences // C. – Y. Chiu, Y.Y. Hong, S. Shavitt, & R. S. Wyer, Jr. (Eds.). Understanding culture: Theory, research and application. New York: Psychology Press, 2009.
16. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (Ed.). Advances in experimental social psychology. New York: Academic Press, 1992. Vol. 25.
17. Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R. and Eva G. (editors). Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey. London: Sage Publications, 2007.; <http://www.europeansocialsurvey.org/>;
18. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1.
19. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1991.
20. Inglehart R. F., Welzel C., Alexander A. Measuring effective democracy: A defense // International Political Science Review. 2012. Vol. 33. P. 41-62; Inglehart R. F., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Inglehart R. F. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton : Princeton University Press, 1997.
21. Понарин Э.Д., Александров Д.А. О проекте «Модернизация в свете норм и ценностей современной России: 1981-2011 // <http://net.abimperio.net/node/1403>
22. Inglehart R. F. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton : Princeton University Press, 1997.
23. Шенин С. Ю. Джеффри Сакс и американская помощь постсоветской России: случай «другой анатомии» // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 106
24. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Аксиологическое осознание идеи российской государственности в контексте национального характера // NB: Философские исследования.

– 2013. – 12. – С. 135 – 194. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.12.9902. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_9902.html

25. Тарасенко В.Г. Евразийская цивилизация в мировой политике и иллюзия доминанты Запада // Политика и Общество. – 2013. – 12. – С. 1458 – 1464. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10351.

References (transliteration):

1. Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. Vysshie tsennosti rossiiskogo gosudarstva. M.: Nauchnyi ekspert, 2012;
2. Shilov V.N. Politicheskaya aksiologiya. Belgorod: Belgorodskii gosudarstvennyi universitet, 2005;
3. Rozov N.S. Tsennosti v problemnom mire: filosofskie osnovaniya i sotsial'nye prilozheniya konstruktivnoi aksiologii. Novosibirsk: NGU, 1998;
4. Chazov A.V. Tsennosti kak faktor formirovaniya politicheskikh predpochtenii. SPb., 2001;
5. Yakunin V.I. Bagdasaryan V.E., Sulakshin S.S. Tsvivilizatsionno-tsennostnye osnovaniya ekonomicheskikh reshenii. Monografiya. M.: Nauchnyi ekspert, 2008.
6. Yum D. Traktat o chelovecheskoi prirode: V 3 kn. M., 1995. Kn. 2-3. S. 229; Yum D. Estestvennaya istoriya religii. SPb., 1909; Yum D. Dialogi o estestvennoi religii. SPb., 1909; Kanke V.A. Filosofiya ekonomicheskoi nauki. M., 2007.
7. Rubinskii Yu. Evropeiskie tsennosti // Vestnik Evropy. 2009. № 26-27; Kruk Yu. Konstitutsiya Evropeiskogo Soyuza: istoriya podgotovki i prichiny provala ee ratifikatsii // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye otnosheniya. 2009. № 2.
8. Bushman B.J., Jamieson P.E., Weitz I., Romer D. Gun Violence Trends in Movies // Pediatrics. 2013. № 12. P. 1014-1018; <http://ria.ru/culture/20131111/975912642.html>
9. Ryazanov V. Ekonomicheskaya kul'tura i natsional'naya identifikatsiya // Mirovoi obshchestvennyi forum «Dialog tsivilizatsii». Vestnik. M., 2006. №1.
10. Bagdasaryan V.E. Religioznoe izmerenie tsennostnykh portretov tsivilizatsii // Fundamental'nye i aktual'nye problemy tsivilizatsionogeneza. Trudy Tsentra problemnogo analiza i gosudarstvenno-upravlencheskogo proektirovaniya. Nauchnyi zhurnal. №18. M., Nauchnyi ekspert, 2010
11. Hofstede G. Culture's Consequences. International Differences in Work Related Values. Beverly Hills, 1980; Hofstede G. Do American Theories Apply Abroad? A Reply to Goodstein and Hunt // Organizational Dynamics. 1981. Vol. 10. № 1; Hofstede, G. Organizing for cultural diversity // European Management Journal. Vol. 7. №4.
12. Hofstede G. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001.
13. Sapienza F.. Nurturing Translocal Communication: Russian Immigrants on the World Wide Web. Technical Communication. 2001. 48 (4).
14. Schwartz S.H. Basic human values: Their content and structure across countries // A. Tamayo & J. B. Porto (Eds.). Valores e comportamento nas organizações Petrópolis, Brazil: Vozes, 2005a.
15. Schwartz S.H. Culture matters: National value cultures, sources and consequences // C. – Y. Chiu, Y.Y. Hong, S. Shavitt, & R. S. Wyer, Jr. (Eds.). Understanding culture: Theory, research and application. New York: Psychology Press, 2009.
16. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries // M. Zanna (Ed.). Advances in experimental social psychology. New York: Academic Press, 1992. Vol. 25.
17. Jowell R., Roberts C., Fitzgerald R. and Eva G. (editors). Measuring Attitudes Cross-Nationally: Lessons from the European Social Survey. London: Sage Publications, 2007.; <http://www.europeansocialsurvey.org/>;
18. Magun V., Rudnev M. Zhiznennye tsennosti rossiiskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi evropeiskimi stranami // Vestnik obshchestvennogo mneniya. 2008. № 1.
19. Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma // Izbrannye proizvedeniya. M., 1991.
20. Inglehart R. F., Welzel C., Alexander A. Measuring effective democracy: A defense // International Political Science Review. 2012. Vol. 33. P. 41-62; Inglehart R. F., Norris P. Sacred and Secular: Religion and Politics Worldwide. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Inglehart R. F. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton : Princeton University Press, 1997.

Политика и общество 7 (115) • 2014

21. Ponarin E.D., Aleksandrov D.A. O proekte «Modernizatsiya v svete norm i tsennoy sovremennoy Rossii: 1981-2011 // <http://net.abimperio.net/node/1403>
22. Inglehart R. F. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton : Princeton University Press, 1997.
23. Shenin S. Yu. Dzheffri Saks i amerikanskaya pomoshch' postsovetskoj Rossii: sluchai «drugoi anatomii» // Izvestiya Saratovskogo universiteta. 2010. T. 10. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Vyp. 1. S. 106
24. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. Aksiologicheskoe osoznanie idei rossijskoj gosudarstvennosti v kontekste natsional'nogo kharaktera // NB: Filosofskie issledovaniya. – 2013. – 12. – С. 135 – 194. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.12.9902. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_9902.html
25. Tarasenko V.G. Evrazijskaya tsivilizatsiya v mirovoi politike i illyuziya dominanty Zapada // Politika i Obschestvo. – 2013. – 12. – С. 1458 – 1464. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.12.10351.